

Глава 20. В мире тысячи и тысячи безжалостных людей

— А я-то думал, что я добрый, — с сожалением произнёс Цю Бодэн, — раз позволяю вам до сих пор здесь шуметь.

Угроза!

Цзо Юэшэн и Лу Цзин мгновенно выпрямились, их взгляды устремились вперёд, нос смотрел на рот, рот — на сердце, а уши ловили каждый шорох.

— Господин Е, ваши мысли весьма сомнительны.

Цю Бодэн налил себе чашку чая, чтобы немного остыть, и с недоумением произнёс:

— Область Цин от области Дун отделяют десятки тысяч ли. Ты оставил Павильон Гор и Морей и решил отправиться за тридевять земель в Тайи. Что за причуда? Хм...

Цю Бодэн взглянул на Цзо Юэшэна.

— Неужели, увидев этого молодого господина павильона, ты потерял веру в будущее школы? Что ж, это можно понять.

— Молодой господин Цю, вы не правы, — обиделся Цзо Юэшэн. — Если так рассуждать, то, увидев вас, маленького предка-наставника Тайи, можно подумать, что всему миру заклинателей скоро придёт конец. Но раз уж вы так говорите... Е Цан! Признавайся! Почему ты не хочешь в наш Павильон Гор и Морей? По силе мы, может, и уступаем Тайи, но уж Долину Медицины точно превосходим. А по богатству, ха! Кто в Поднебесной осмелится тягаться с нами в богатстве?

— Моя мать говорила, что если что-то делать, то делать лучше всех.

Е Цан, не двигаясь, стоял на коленях. Его брови были густыми и тёмными, словно два клинка. С тех пор как он очнулся, он сидел в оцепенении, не произнося ни слова, целыми днями глядя на божественное дерево Фу и тело Гэ Цина.

Бывшего городского оракула звали Гэ Цин.

До сих пор его разрубленное надвое тело стояло на коленях перед божественным деревом. Он не заслуживал ни погребения, ни захоронения. Если бы не то, что он должен был вечно стоять на коленях перед деревом, его не оставили бы даже на земле города Фу. Цзо Юэшэн и Лу Цзин вынуждены были тайно следить, чтобы Е Цан в порыве гнева не уничтожил его останки — это было бы слишком лёгкой участью для старого негодяя.

— Из восьми школ заклинателей Тайи — первая.

— Е Цан, твоя мать, конечно, права, — нравоучительно сказал Лу Цзин, — но выбор школы — это на всю жизнь. Ошибёшься — всё равно что женщина за неверного замуж выйдет. Тебе нужно хорошенько подумать. Тайи хоть и первая среди школ, но знаешь ли ты, как они этого добились? Говорят: в мире тысячи и тысячи безжалостных людей, и половина из них — в Тайи.

— Да, да, — поддакнул Цзо Юэшэн, вспоминая что-то и съёживаясь от страха. — Говорят, ученики Тайи должны вставать в час Кролика, переправляться через Великую реку по натянутому канату, чтобы закалить дух. Каждые пять дней — малые состязания на пике, каждый месяц — поединки между двумя пиками, каждый сезон — большие состязания всего пика, а каждые полгода — всей школы. А если у какого-нибудь старейшины хорошее настроение, он может устроить внезапную проверку...

— Вообще-то, встают в час Тигра, — поправил Цю Бодэн. — И малые состязания теперь каждые три дня.

Лицо Цзо Юэшэна дёрнулось.

То недолгое время, что он провёл в Тайи в детстве, оставило в его душе неизгладимый след. Однажды его отец вознамерился отправить его в Тайи на закалку, и Цзо Юэшэн в ужасе снял пояс и попытался повеситься на балке.

Лучше смерть, чем туда.

— В других школах, если у тебя нет таланта к совершенствованию, если ты гнилое дерево, то наставники и старшие братья оставят тебя в покое. Но в Тайи... хех, в Тайи нет такого понятия, как «гнилое дерево». Нет таланта? Значит, будешь совершенствоваться до изнеможения, до смерти. Тебя из гнилого дерева выкуют в крепкую древесину.

— Мне всегда казалось, что старейшины Тайи очень похожи на завучей, — сказал Цю Бодэн.

Учителя в его элитной закрытой школе тоже вечно кричали, размахивая руками: «Мы никогда не бросим ни одного ученика!», «Отстающие — это будущие отличники!». Хитрости, уловки, угрозы — они не останавливались ни перед чем. Вода камень точит. Любого, даже самого непокорного отпрыска знатной семьи, они могли силой вернуть на путь истинный.

Единственным их поражением был молодой господин Цю.

— Попасть в Тайи — всё равно что кануть в бездонное море. О свободной жизни можно забыть, — сказал Цзо Юэшэн, указывая на Цю Бодэна. — Единственное исключение — вот этот. Маленький предок-наставник, слишком высокого ранга, чтобы кто-то посмел закалять это «гнилое дерево».

Лу Цзин представил себе жизнь учеников Тайи, полную страданий, и содрогнулся:

— ...Цю Бодэн, а у ваших учеников вообще есть время на всякие романтические глупости?

— Думаю, вряд ли.

Цю Бодэн задумался.

В первое время после того, как он попал в книгу, он всё ждал, что в его жизни начнут разворачиваться сцены в духе «пушечное мясо провоцирует, а избалованный наследник ставит его на место». Но всё было на удивление тихо... Не то что на романтику, у них даже времени не было, чтобы прийти и доставить неприятности ему, этому избалованному наследнику.

Цзо Юэшэн безжалостно рассмеялся:

— Тайи? Романтика? Ты что, не знаешь, что Тайи называют вторым монастырём?

— А вот тут ты неправ, — снова поправил Цю Бодэн. — Танец с мечом под луной — это тоже луна, беседа о Дао среди цветов — это тоже цветы. Учеников Тайи, состоящих в парах, довольно много.

Просто...

Из десяти адептов Тайи девять предпочитают своих, а десятый, похоже, ещё не нашёл себе пару... тоже среди своих.

Что поделаешь, кто из обычных людей выдержит спутника жизни, у которого двадцать четыре часа в сутки на уме только совершенствование?

Ученикам Тайи оставалось лишь находить себе пару внутри школы, возвращая чувства во время утренних и вечерних тренировок... А те, с кем они проводили дни и ночи, в большинстве своём были того же пола. Со временем, говорят, те немногие ученики традиционной ориентации, отправляясь на задания, представлялись так: «Я такой-то из Тайи, не принадлежу к однополым любителям».

Е Цан, настоящий мужчина традиционных взглядов, пошатнулся.

— Я поступлю в Тайи! — упрямо настоял он. — Я стану первым мастером клинка в Поднебесной!

Он сжал кулаки.

Он ненавидел.

Ненавидел старого городского оракула, как тот мог совершить такой неблагодарный поступок. Ненавидел себя, за то, что после изгнания из Ведомства городских оракулов он впал в уныние и апатию, и из-за дурацкой гордости даже не хотел поклониться божественному дереву Фу. Лишь воспользовавшись случаем, когда пришли Цзо Юэшэн и Лу Цзин, он осмелился ночью тайком снова взобраться на него.

Божественное дерево и город едва не погибли, и лишь Цю Бодэн и его спутники смогли переломить ход событий, а он ничего не сделал. Заговор, зревший за кулисами, был долог и сложен, и он не хотел больше быть таким слабым и беспомощным.

— Я должен докопаться до истины.

Чтобы искупить свою трусость и бессилие.

Цзо Юэшэн пожал плечами и подмигнул Цю Бодэну. Ну вот, он так и знал.

Цю Бодэн посмотрел на коленопреклонённого главного героя книги и подумал: «Ты уже десять миллионов иероглифов докапываешься, а до главного злодея всё ещё далеко, кто знает, сколько ещё миллионов иероглифов автор собирается налить».

Новорождённый телёнок не боится тигра.

Он не знает, какой тернистый путь ему предстоит.

— Позволить тебе поступить в Тайи — такое я могу устроить, — подумав, сказал Цю Бодэн. — Но вступительные испытания — «пройти по канату, пересечь девять рек» — тебе придётся пройти позже. Никаких исключений, если не хочешь в одночасье стать врагом всех учеников Тайи. Хм... в Тайи немало мастеров клинка, сам найдёшь себе наставника среди старейшин.

На самом деле, в книге Е Цан должен был стать учеником старейшины Цзюня.

Он был рождён с душой клинка, и на ранних этапах сюжета группа старейшин, не стесняясь в средствах, несколько раз дралась за право взять его в ученики.

Но Цю Бодэн в прошлый раз сжёг хвост феникса старейшины Цзюня, и тот пошёл жаловаться главе школы, из-за чего Цю Бодэна несколько дней пилили нотациями. Молодой господин Цю это запомнил и не собирался облегчать старейшине Цзюню борьбу за ученика.

Е Цан молчал.

Бум, бум, бум.

Он трижды поклонился Цю Бодэну в пол.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин замерли.

Они оба были наследниками великих школ, и принять кого-то в ученики для них было делом пары слов.

Они не ожидали, что Е Цан окажется таким прямолинейным, таким упрямым.

Что он отвесит настоящие поклоны.

Цю Бодэн сидел неподвижно, принимая эти три поклона.

Он был предком-наставником Тайи. Не то что три поклона, даже девять поклонов и девять земных поклонов не были бы чем-то из ряда вон выходящим.

— Раз уж ты поступил в Тайи, — в отсутствие других представителей школы Цю Бодэну пришлось взять на себя роль наставника по дисциплине и провести обряд посвящения для Е Цана, — во-первых, наша школа... в общем, многотысячелетнюю историю школы потом сам прочтёшь в библиотеке. Пропускаем. Во-вторых, правила школы... тоже пропускаем, девяносто девять правил, сам посмотришь на стене в зале правосудия. Пропускаем. В-третьих, ученики нашей школы... это опыт старших братьев и сестёр, сам у кого-нибудь спросишь. Пропускаем.

— ...Пропускаем.

— ...Пропускаем.

Меч Тайи поначалу сердито стучал по полу, но потом, кажется, смирился.

Цзо Юэшэн, оцепенев, ткнул Лу Цзина:

— Это точно самый странный обряд посвящения, который я когда-либо видел.

Лу Цзин кашлянул:

— По крайней мере, его проводит лично маленький предок-наставник. Такого больше ни у кого не было.

— И последнее, — Цю Бодэн внезапно отбросил всю свою небрежность, выпрямился, и его взгляд, устремлённый на Е Цана, стал острым и пронзительным, — есть только одна вещь...

— Е Цан!

Холодно произнёс Цю Бодэн.

Меч Тайи вылетел из ножен и завис в воздухе. Зазубренное лезвие сверкнуло, как снег. Свет отразился на лице Цю Бодэна, и Цзо Юэшэн с Лу Цзином, до этого хихикавшие, вдруг перестали смеяться и невольно выпрямились. Хотя это был всего лишь главный зал обычного дома, атмосфера внезапно стала торжественной.

— Ученик здесь.

Ответил Е Цан.

— В нашей школе Тайи за десять тысяч лет не было ни отступников, ни предателей.

Не отрекаться.

Не предавать.

Даже произнесённые устами такого юноши, как Цю Бодэн, эти слова несли в себе всю гордость Тайи. Словно расступились горы и реки, и из-за них вышли ученики школы в развевающихся одеждах, а за их спинами виднелись величественные врата школы и пролетающие мимо божественные драконы Куй и фениксы.

Десять тысяч лет Тайи, первая среди школ бессмертных.

— Тот, кто вступил в Тайи с двойными мыслями...

— Будет казнён всей школой.

— Да!

Громко ответил Е Цан.

Меч Тайи издал тихий звон.

— Ладно, ладно, наконец-то закончили, — спина Цю Бодэна, прямая не дольше, чем горит

чашка чая, снова ссутулилась, и он лениво откинулся на спинку стула. — По идее, тебе должны выдать поясную табличку Тайи, но у меня такой штуки с собой нет. Если тебе так уж надо, найди кусок дерева и вырежи сам. Самостоятельное изготовление поясных табличек — это старая традиция Тайи.

Е Цан, чья кровь закипела от только что услышанных слов: ...

Почему-то вдруг возникло ощущение, будто он сел не на тот корабль.

Цзо Юэшэн уже давился от смеха:

— Хе-хе, ты что, думал, раз наш молодой господин Цю весь в золоте и шелках, такой модный, то Тайи очень богатая школа? Говорю тебе! Кроме него, этого исключения, девять из десяти учеников Тайи — бедняки. У этих мечников и сабельщиков даже денег на жену нет, ха-ха-ха-ха. Нечего было нос воротить от Павильона Гор и Морей, так тебе и надо!

— Этот Цзо прав, — сказал Цю Бодэн, подперев подбородок рукой и улыбаясь. — В прошлом месяце глава школы обсуждал со старейшинами, не ввести ли уроки шитья, чтобы ученики сами шили себе форму... так сказать, для экономии. Можешь уже начинать тренироваться, кто знает, может, когда вернёшься в Тайи, сможешь выменять пару уроков владения клинком у своих старших братьев за умение шить.

— ...Ученик понял.

С трудом произнёс Е Цан.

Цю Бодэн вспомнил ещё кое-что, хлопнул в ладоши и добавил:

— А насчёт того, чтобы стать первым мастером клинка в Поднебесной, можешь забыть! Постарайся стать вторым.

— Мне кажется, или в его словах о «первом мастере клинка» что-то не так? — прошептал Цзо Юэшэн Лу Цзину на ухо. — О ком он говорит?

— Ты даже этого не понимаешь?

Лу Цзин почувствовал, что сегодня вечером он сможет написать вторую главу своей пьесы. Разве тот таинственный жрец-оракул не владел клинком?

— Это называется «в глазах влюблённого и Си Ши — красавица»... ай!

Чашка с чаем полетела прямо в него.

Лу Цзин увернулся.

Цзо Юэшэн захопал в ладоши:

— Смотрите, смотрите! Рассердился от смущения!

Цю Бодэн вскинул бровь и привычно отдал приказ свежеиспечённому ученику Тайи:

— Иди, приказываю тебе как предок-наставник, избежь этого жирдяя по фамилии Цзо.

Уголки губ Е Цана дёрнулись. Чувство, что он попал не туда, усилилось.

Подгоняемый Цю Бодэном, он скрепя сердце поднялся, схватил стул и начал гоняться по всему залу за Цзо Юэшэном. Цзо Юэшэн, увидев это, решил не отставать, тоже схватил стул и начал отбиваться.

Семнадцать лет спокойной жизни подошли к концу. Юноша из города Фу, Е Цан, пустился вскачь по дороге, с которой нет возврата.

***

Когда Лоу Цзян вошёл, он увидел, что весь главный зал выглядит так, будто по нему пронёсся торнадо: столы и стулья перевернуты, повсюду беспорядок. Его молодой господин павильона лежал на спине на полу, а Лу Цзин сидел рядом и с энтузиазмом рисовал ему кисточкой синяки под глазами. Е Цан с двумя такими же «синяками» сидел в стороне. Даже маленький предок-наставник Тайи хмурился, стряхивая с одежды деревянные щепки.

— ...

Он и впрямь хотел перевестись в Город Бессмертия.

— Старейшина Цю, — Лоу Цзян перешагнул через своего молодого господина и протянул Цю Бодэну письмо, — это письмо вам от владыки павильона.

— А?

Цзо Юэшэн, лежавший на полу, открыл один глаз.

— Ты уверен, что не мне?

Пока Цзо Юэшэн недовольно ворчал на своего отца, Цю Бодэн с некоторым недоумением вскрыл переданное Лоу Цзяном письмо.

В регионах, окутанных миазмами, связь с внешним миром была затруднена, если только не использовать тайные техники вроде «Внимающего звука». Но для этого у обеих сторон должны были быть одинаковые талисманы. Когда меч Тайи принёс Цю Бодэна в город Фу, у него с собой ничего не было, не говоря уже о талисмани для связи со школой Тайи.

— Что старик пишет? — с любопытством спросил Цзо Юэшэн.

Цю Бодэн пробежал глазами по строчкам:

— Хм, говорит, что в Тайи уже знают, что я в городе Фу, и старейшина Цзюнь скоро прибудет в область Дун... почему глава школы не мог прислать кого-нибудь другого, этот слишком любит поучать. Дальше пишет: «Приказано всем филиалам павильона удовлетворять любые ваши нужды». Слышишь, товарищ Цзо Полумесяц, твой отец куда вежливее и образованнее тебя.

— Не может быть! — Цзо Юэшэн вскочил. — Мой отец — такой скряга, чтобы он такое сказал? Либо его подменили, либо у тебя, Лоу, фальшивое письмо.

Лоу Цзян даже не удостоил его взглядом.

— А про меня там что-нибудь есть? Например, чтобы я вернулся в Павильон Гор и Морей? — с надеждой спросил Цзо Юэшэн.

— А ведь есть, — Цю Бодэн дочитал последнюю строчку. — Тебе велено исполнить свой долг молодого господина павильона, оказать гостю должный приём и сопроводить его в Павильон Гор и Морей. Гость — это предок-наставник Тайи, то есть я.

— Что? — изумился Цзо Юэшэн. — Чтобы вернуться, мне нужна твоя помощь? И почему ты тоже едешь в наш Павильон?

— Несколько дней назад случилось нечто важное, поэтому глава школы Тайи попросил твоего отца присмотреть за мной, — Цю Бодэн перевернул письмо. — А что касается того, что это за важное событие...

— Сто кланов пересекают южные земли, чтобы покарать племя колдунов.